

Д.Я. Майдачевский

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОНТИНУУМА» К «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ ВЫБОРУ»

Основные усилия отечественных историков экономической мысли на рубеже советской и постсоветской эпох были направлены на преодоление господствовавшего в отечественной истории экономической науки «вульгарного социологизма», под которым понималась не только обретенная в советский период привычка ограничиваться изучением классовых позиций экономических теорий, но и характерная для российской историко-экономической науки в целом традиция отслеживать непосредственное воздействие внешних социальных факторов на содержание экономического знания. Уже в учебном пособии 1989 г., все еще настаивавшем на «примате материальных условий и классовых интересов в качестве факторов движения экономических идей», выражалось робкое опасение за их абсолютизацию и «недооценку роли внутренней логики прогресса экономической теории»¹.

Поскольку «грубому материализму» противопоставлялась «господствующая в мире» традиция «истории экономического анализа» как истории его предпосылок, важнейшая роль в деле обновления методологии историко-научного анализа отводилась освоению «восходящих к Й. Шумпетеру принципов критической истории инструментария экономистов»². Роль «проводников» по заповедной для отечественных исследователей территории истории экономического анализа предстояло выполнить переведенным на русский язык учебникам, основанным на этой традиции. Автор предисловия к русскому изданию учебника М. Блауга, указывал на последний фактически как на ориентир, задающий траекторию движения отечественных историко-экономических исследований, образец современной историко-научной методологии, примерить пока еще великоватые «одежды» которой («книга “на вырост”») предстояло их авторам-экономистам³.

Увидевший свет год спустя учебник Т. Негиши⁴, хотя и другими средствами, решал те же задачи, что и книга Блауга, достраивая здание той модели историко-экономической науки, методологический фундамент которой был заложен Й. Шумпетером. Продолжатели установок последнего, по мнению научного редактора обоих переводов, «пишут историю не людей или направлений, а идей, причем точкой отсчета служит не прошлое, а настоящее, сегодняшнее состояние теории. В основе такого подхода, очевидно, лежат предпосылки о единстве экономической теории как науки, решающей некоторый постоянный набор проблем во все времена, о кумулятивном росте экономического знания и прогрессе инструментов экономического знания»⁵.

Учебнику М. Блауга, призванному выполнить функцию проводника указанных историографических установок вплоть до перевода на русский язык их первоисточника — «сделавшей эпоху» в истории экономической науки фундаментальной «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера⁶, суждено было, однако, сыграть куда более самостоятельную роль. Тем более что оригинальная шумпетерианская историография оказалась на деле не только много богаче и сложнее, но попросту не соответствовала формуле, использованной для выражения ее содержания.

С этим, по сути, согласился и ее автор, вынужденный в предисловии к русскому переводу указывать скорее на отличия в подходах к познанию прошлого Шумпетера и Блауга, нежели на сходства и преемственность в них. «...“История” Шумпетера, — признавался он, — содержит намного больше, чем собственно историю анализа... В отличие от того же Блауга Шумпетер предпосылает истории анализа изложение ее чрезвычайно широко понимаемого контекста. Здесь находится место для описания исторических событий, социально-экономического “фона” и “духа эпохи”, параллельного развития других областей научного знания (от математики до теологии и психологии) и даже искусства»⁷.

Как показывает наш собственный опыт использования методологических установок Шумпетера в ходе выявления негативных тенденций, сложившихся в процессе развития отечественной экономической историографии⁸, столь же сомнительными

являются приписываемые ему ключевая роль в формировании ретроспективного взгляда на развитие науки, вывод о единстве экономической теории как науки и кумулятивном росте экономического знания. Можно согласиться с утверждениями исследователей творчества ученого о том, что ортодоксальная экономическая наука немало потрудились над приведением оригинальных его идей в соответствие собственным представлениям о развитии экономической науки. Представляя Й. Шумпетера «...ведущим абсолютным авторитетом в области экономической историографии, ортодоксальные экономисты могут утверждать, что возможности развития унаследованного богатства объективного и автономного экономического знания обязательно интерпретируются и оцениваются с точки зрения критерия “наилучшей практики”, отвечающей современным стандартам; идеи воспринимаются, если они не противоречат доминирующим в литературе положениям и могут быть в них встроены»⁹.

Именно учебник М. Блауга немало способствовал формированию «шумпетерианской традиции» в истории экономической науки. Не столько глубоким исследованием историографических установок ученого, сколько их во многом априорным превращением в один из двух полюсов континуума подходов к изучению ее прошлого. Благодаря учебнику Й. Шумпетер превращался в родоначальника «абсолютистского» подхода, отслеживающего исключительно интеллектуальное/когнитивное развитие предмета, неуклонное движение экономической мысли к истине — современной ортодоксии, подхода, оппозиционного «релятивизму», призванному учесть многообразные влияния на это движение контекста.

Именем Шумпетера фактически освящалось стремление вписать собственные идеи в контекст этой ясной и очевидной оппозиции, носящей к тому же идеологический характер. В предисловии ко второму изданию книги, датированном, заметим, 1968 годом, М. Блауг со всей определенностью сформулирует ее цель — противостоять «типично марксистским», «квазимарксистским», «ультрамарксистским» подходам в истории экономической науки. Со всей решительностью будет «настаивать» на тезисе (истинность которого и сам в дальнейшем не раз поставит под сомнение), что «значительная часть истории экономической

мысли сосредоточена вокруг ошибок в логике и пробелов в анализе и не имеет связи со злободневными событиями»¹⁰.

Использование восходящих к Й. Шумпетеру понятий «история экономического анализа» и «история инструментов» не должны вводить в заблуждение относительно целей, провозглашенной и фактически достигнутой тем в «Истории экономического анализа» — написания истории экономической науки в жанре «социологии знания». Невозможность выявления простых, универсальных, научных экономических принципов на всех выделенных этапах развития науки заставила определить науку как «совокупность плохо упорядоченных и пересекающихся между собой областей знания» и предложить читателям историю последних (включая и экономическую историю) в исторических, статистических, теоретических, социологических, политических и других измерениях. И не очищенную от контекста эволюцию экономического инструментария, как это пытаются представить, а историю областей экономического знания, «полную взаимодействия людей, идей и событий»¹¹.

Именно со страниц учебника Блауга оппозиция абсолютизм — релятивизм, или ее адаптированная для российского читателя научным редактором перевода версия — логический/логицистский и исторический/историцистский (как вариант, исторически-институционалистский) подходы к познанию прошлого экономической науки¹², шагнула в отечественную учебную и научную литературу. Стала использоваться не только для характеристики «предмета» дисциплины истории экономических учений, присущих ей подходов к его изучению (при этом, практически не отражаясь на стратегии построения курсов, перечне ученых и школ, хронологических рамках), но и оценки прошлого отечественной экономической науки, выработки представлений об исследовательских подходах в современной историко-экономической науке.

Цикл публикаций И.П. Гуровой, основой которых стала докторская диссертация¹³, помимо небезынтересных экскурсов в историю развития метода истории экономических учений¹⁴ и небеспользанных для экономистов сведений об основных философских концепциях науки, оказавших влияние на методологию этой дисциплины¹⁵, включает статью, формулирующую «мето-

дологический выбор, доступный современному исследователю истории экономических учений» (являющуюся несколько расширенной версией одноименной главы ее монографии)¹⁶.

Выбор, а точнее — набор исследовательских подходов, который, по мысли автора, должен заполнить историографическое пространство (методологический континуум) между двумя его полюсами — абсолютизмом и релятивизмом, стать олицетворением некоего историографического синтеза, оказывается крайне скудным. Экономистам-историкам фактически предлагается довольствоваться еще одной «дилеммой», написанием либо истории экономического анализа/когнитивной истории (истории экономической теории, «дисциплинарной истории» в ее понимании), либо социальной истории своей науки.

Реальный, а не условный методологический континуум, непрерывность историографического пространства достигается при этом чисто «механическим» путем, использованием эклектического подхода, заключающегося в сознательном выборе исследователем «типа истории» в зависимости от той роли, какую внешние факторы оказывали на экономическую науку в тот или иной рассматриваемый им период¹⁷. Как правило, предполагается, что для ранних периодов развития экономического знания характерен релятивизм, для «современного» — абсолютизм.

Следуя в этом вопросе по стопам М. Блауга, автор сталкивается с той же проблемой, что и ее «проводник». Начавший движение с заявления о «значительной части» истории экономической науки, не имеющей связи с контекстом, утверждавший по ходу, что только с превращением экономики в академическую дисциплину в 1880-е «переход от одной идеи к другой» стал господствующим в развитии предмета, дойдя до рассмотрения этого переломного периода, тот вынужден был признать: «профессионализирующаяся наука с необходимостью генерирует свой собственный импульс, влияние внешних событий ограничивается “оболочкой” и не достигает “ядра” дисциплины. Но в 1870, 1880, и даже 1890 г. “оболочка” и “ядро” были еще неразрывны. Экономическая наука стала профессионализоваться в последней четверти XIX в., но ей предстоял еще долгий путь до становления в качестве глубоко профессионализированной научной дисциплины»¹⁸.

Неприятности, однако, поджидают идущего по этому пути и на «конечной» стадии движения. «Глубокая профессионализация» сопровождается принципиальными изменениями в структуре самого объекта изучения — экономической науки, утрачивающей единство и целостность научной дисциплины. Экономическая наука, на взгляд современных исследователей, уже давно идет в направлении релятивизма, последний является общим вектором движения экономической мысли¹⁹. Дифференциация и фрагментация экономического знания обуславливают релятивизацию не только самой экономической науки, но и ее историографии, предопределяют актуальность выяснения исторических и культурных корней каждого экономического направления, дисциплины или школы.

На фоне сокращающегося как шагреновая кожа пространства «абсолютистского подхода» в историографии И.П. Гурова, настойчиво продолжающая продвигать концепцию «методологического континуума», обращается к первоисточнику абсолютистского вдохновения — «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера, а точнее — выделяемым тем в качестве элементов структуры предметной области историко-экономической науки экономическому анализу, системам политической экономии и экономической мысли. «Тип истории» определяется теперь уже не хронологическими рамками исследования, а его предметом: изучению истории экономического анализа соответствует абсолютистский подход, двум остальным релевантен подход релятивистский²⁰.

Вот только достигается в этом случае историографический синтез весьма дорогой ценой. «Жертвой» авторского стремления соединить два берега методологической реки — «абсолютизм» и «релятивизм» — становится «история экономической мысли», которая никак не хочет прибавиться к одному из них. Поэтому в шумпетерианской триаде сначала «история экономической мысли» подменяется «социальной историей экономической науки», изучаемой при помощи экстерналистского подхода в «широком его значении» (для изучения «систем политической экономии» используется экстернализм в «узком смысле»), а в дальнейшем исчезает и «история политической экономии», уступая место «истории экономической профессии». Впрочем, не уцелеет и

«история экономического анализа», будучи приравнена к истории того, чего уже de facto нет — «такой научной дисциплины как экономическая наука»²¹. «Тип истории» даже не диктуется, а «подгоняется» под методы историко-экономического исследования — «технический», микро- и макросоциологический, которые призваны заменить сходящие со сцены абсолютизм/интернализм и релятивизм/экстернализм, послужившие отправной точкой рассуждений.

Конечной же целью подобных манипуляций с целью наведения «порядка» в историографическом хозяйстве экономической науки является установление соответствия между «типом истории» и философскими концепциями науки, априорно выделенными автором. Дисциплинарная история экономической науки соответствует рационалистической теории роста знания К. Поппера — И. Лакатоша, история экономической профессии — иррационалистической теории научных революций Т. Куна, а социальная история науки — социальному же подходу к развитию научного знания, в рамках которого свое законное место находит марксистская история экономических учений. Хотя автор и оговаривается, что марксистская философия в лице лучших своих представителей и пыталась вырваться за узкие рамки макросоциологического подхода, именно ограниченность философских оснований историографии была причиной отсутствия в ней методологического и теоретического плюрализма²².

Ведущееся на столь абстрактном уровне обсуждение историографических подходов, выявление их достоинств и недостатков вне связи со спецификой конкретных исследований или их хронологическими рамками, отнюдь не приближает историю экономических учений к желанному «методологическому континууму», сохраняя изначальное состояние методологической альтернативы. Очевидное и понятное желание автора идти навстречу современным тенденциям в историографии экономической науки, заставляет ее встать на путь терминотворчества и подмены одних понятий другими (например, абсолютизма и релятивизма соответственно интернализмом и экстернализмом), несущими иную смысловую нагрузку, внося, тем самым, дополнительные нюансы и в без того терминологически запутанную проблему.

Механическое выделение в рамках релятивизма/экстернализма макро- и микросоциологических методов (к тому же неизвестным образом уже «сочетающих исторический/социальный и логический/когнитивный подходы»), лежащих в основе изучения истории экономической профессии и социальной истории науки, не заполняет пространства между полюсами абсолютизма и релятивизма. Искомая типология возможных историй экономических учений из карты магистральных путей движение историко-экономической мысли, то идущих параллельно, то пересекающихся, а то и сливающихся в один, превращается в изображение лестницы, на верхней ступени которой стоит «история экономического анализа» (дисциплинарная история), изучающая внутреннюю, когнитивную историю. Пишущие такую историю — «элита» историко-экономического сообщества. Если использовать сравнение с медициной — «нейрохирурги», работающие на микроуровне невидимых невооруженному философии науки глазу «сосудов», по которым движется экономическая мысль. Ступенькой ниже стоят «врачи общей практики», проводящие «профосмотр» и пытающиеся установить как неинтеллектуальные «психологические и социальные факторы научного сообщества» влияют на результативность труда ученых-экономистов. И, наконец, в самом низу работают «санитарные врачи», принимающие в учет совсем уж далекие от содержания научного знания факторы — текущие экономические проблемы, политику, классовую и социальную структуру общества и др.

Появление четкой «иерархии» приоритетов исследователя является лучшим свидетельством доминирования какой-либо одной конкретной методологии историографического исследования, занимающей верхнюю ступеньку этой лестницы, а не существования «континуума» историографических подходов.

Авторитетное же мнение на сей счет самого Й. Шумпетера отнюдь не двусмысленно: не только системы политической экономии и экономическая мысль, но и «экономический анализ и его результаты безусловно исторически ограничены, относительны»²³. Вопрос лишь в степени этой относительности, меняющейся от эпохи к эпохе; и решать этот вопрос историк предпочел не путем типизации исследовательских подходов к изучению прошлого экономической науки, построенной на основе бес-

плодной дилеммы «абсолютизм-релятивизм», а посредством детального рассмотрения влияния, оказываемого на науку историческим контекстом в ходе конкретного историко-научного исследования.

Предвосхищая будущие недоразумения с использованием понятия релятивизм, часто, на его взгляд, неправильно употребляемым, Шумпетер очерчивает круг ситуаций, когда речь может идти об исторической относительности применительно к историко-экономическому исследованию. Первая ситуация связана с ограниченностью источников историографической информации, имеющейся в распоряжении исследователя в каждый момент времени. И, следовательно, с неполнотой знаний об экономической науке прошлого, в силу чего его «выводы вполне могут быть опровергнуты в дальнейшем». Вторая — с «заинтересованностью экономиста в проблемах своей эпохи», что неизбежно сказывается на его подходе к экономическим явлениям²⁴. Таким образом, Шумпетер имеет в виду релятивность научного знания, обусловленную не одной только проблемой выбора тем исторических сочинений, замыслом исследований или отбора относящихся к теме фактов, но и его (знания) включенностью в исторический и социальный контекст.

Нужно обладать изрядной долей научной фантазии, чтобы замечание австро-американского экономиста о том, что подобная относительность историко-экономического знания не имеет «ничего общего с философским релятивизмом», интерпретировать как приверженность абсолютистской позиции, гипертрофирующей фундаментализм научного познания и основывающейся на признании абсолютной истинности знания, отражения последним действительности. Столь же далек он от позиции, «абсолютизирующей» момент релятивности в науке, настаивающей на относительности «исторической истины». Скорее можно говорить о релятивизме методологическом, утверждающем, что в научном познании отсутствуют исторически и социально независимые критерии научности. Релятивизм у Шумпетера — неотъемлемый методологический принцип построения динамической социологии экономического знания, в соответствии с которым познавать прошлое историко-экономического знания можно только посредством конкретных исторически и соци-

ально относительных, меняющихся описаний. И в этом смысле справедливо классифицировать подход, реализованный им в «Истории экономического анализа», как историцистский²⁵.

Именно попытка отделения экономического анализа от «проблем эпохи», в гуще которых тот развивался, привела Й. Шумпетера к «открытию» им ретроспективного подхода в истории экономической науки. Единственного, позволяющего разглядеть прогрессивные изменения в последней, однако ценой мифологизации историографии, поскольку критерием прогрессивности научных достижений прошлого выступает в ней современное состояние экономической науки. Имеющая более высокий статус, выступающая критерием истины, своеобразным стандартом, современная наука позволяет выстроить непрерывность идей между настоящим и прошлым, списав все не вписавшиеся в нее на «происки» истории или «внешних влияний»²⁶.

Й. Шумпетер не воспользовался в «Истории экономического анализа» плодами своего открытия, хорошо известного в общей историографии «взгляда на историю с точки зрения современности», «вигской (Whig) интерпретации истории»²⁷ или «презентизма». Что вынужден был признать П. Самуэльсон, спустя четверть века предпринявший попытку переориентировать (!) историю экономической науки на изучение прошлого с позиций современного ее состояния и предложивший программу «либеральной (вигской) истории экономического анализа». Называя «Историю» Шумпетера наглядным и выдающимся примером подобного подхода к истории экономической науки, он, со ссылкой на незавершенный характер работы, отметил: «Господь указал Моисею путь к земле обетованной, но не дал ступить на нее»²⁸.

Подход, именуемый абсолютистским, при котором исследователь «следит только за строго интеллектуальным развитием предмета, которое он рассматривает как неуклонный прогресс от ошибки к истине»²⁹, строго говоря, предусматривает возможность написания истории экономического знания, отталкивающейся от перспективы целого ряда представлений, взглядов или теорий, принятых в качестве стандартов суждений для ее понимания, толкования или интерпретации. Поэтому, избирая те, что используются «современной» (на том или ином этапе ее развития) экономической наукой, мы рискуем отождествить

абсолютизм/интернализм с историографией «читающей назад» (М. Блауг) — презентизмом³⁰.

Между тем, если презентизм предполагает абсолютизм, то абсолютистская позиция, признающая существование абсолютной истины и возможность ее познания, никоим образом не связана с историей движения к ней. И, конечно же, «либеральная история» не тождественна «внутренней истории» как рациональной реконструкции, восстанавливающей внутринаучную логику развития науки, только в случае такого отождествления превращающейся в реконструкцию «задним числом» (М. Блауг), порождающую псевдоисторические головоломки.

Классическим примером презентистской (и в силу этого абсолютистской), истории может служить марксистская история экономической мысли, сложившаяся в советский период, когда вся история экономической науки сводилась к предыстории марксизма. Причем создаваться такая история могла как с акцентом на внутреннюю историю научных идей, так и путем описания исторических событий в терминах прогрессивного, поступательного развития экономической науки, их оценки с позиций презентистской/абсолютистской перспективы³¹. Тем любопытнее столкнуться с отнесением именно марксистской историко-экономической науки и ее представителей к числу основных приверженцев релятивизма, традиции которого обнаруживаются и в постсоветской историографии экономической науки³².

Правда, если что и обнаруживает современная отечественная историография экономической науки, то не столько абсолютистскую традицию в чистом ее виде, сколько эклектику эпистемологических установок, лишней раз подтверждающую бесплодность использования самой дилеммы абсолютизм — релятивизм для целей историко-экономических исследований. Эклектику, отчасти объяснимую учебным характером изданий, на страницах которых авторы вынуждены делать заявления о своих историографических установках. Поэтому нередко абсолютистская установка на построение непрерывности, линейной прогрессии, связавшей прошлое и настоящее науки, выявление закономерностей процесса развития экономического знания, мирно соседствует с заявлениями об относительности и субъективности экономических истин, о «проблеме двойной субъективности».

визации» как факторе релятивизации экономической науки и ее историографии³³.

Установление связей экономических теорий с интересами отдельных социальных слоев и групп, политических партий и движений, в творчестве отдельных авторов может безболезненно сочетаться с поиском законов истории экономической мысли. Пусть действие таковых и обнаруживается всего «лишь как тенденция, заметная на историческом материале продолжительных промежутков времени (никак не менее одного столетия), в масштабах всего цивилизованного мира и мировой науки в целом». При этом озадачивает авторское недоумение по поводу того, что подобные законы не ищут и не находят записные приверженцы абсолютизма, затрагивающие вопрос о законах эволюции экономической мысли не иначе как «в полушутливой форме»³⁴.

Исследователи, настаивающие на актуальности установления в ходе историко-экономического исследования взаимосвязи и взаимовлияния истории экономики и истории экономической мысли, да еще рассматриваемых в контексте общегражданской истории, избирают в качестве ведущего методологического приема поиска «истинного отражения» изучаемого историей экономической мысли объекта презентизм. «Это важно потому, — поясняют они, — что цель таких исследований состоит в том, чтобы показать роль конкретного ученого, той или иной научной школы в развитии, обогащении экономической науки новыми знаниями, учитывая ее состояние в определенное историческое время. В конечном счете, речь идет о том, чтобы показать роль и место конкретного ученого или научной школы в истории экономической науки. А это невозможно сделать, не учитывая ее современное состояние»³⁵.

Дилемма презентизм — историцизм в неявном виде присутствует в позиции В.С. Автономова, использующего шумпетерианскую дихотомию истории экономического анализа (науки) и истории экономической мысли для целей изучения истории экономического знания в России. Экономическое знание в стране на протяжении большей части ее истории было до-, не- или псевдонаучным, поскольку, на взгляд последнего, его «производители» «не владели или не пользовались специальной техникой анализа». В силу чего приоритетное развитие получила история

экономической мысли, в арсенале которой лишь «аргументация дилетантов и практиков — “хозяйственников”, рассуждающих с позиций здравого смысла». Ее сокровищницу Россия продолжала обогащать даже в период господства марксистской «псевдонауки», хотя оценить этот вклад и не представляется возможным за отсутствием критерия прогресса генерируемых идей. В качестве последнего может выступать лишь современное состояние техники экономического анализа, коим «мысль» не вооружена по определению³⁶.

Стремясь вырваться из порочного круга предвзятых оценок истории русской экономической мысли, несущей печать социального, политического и идеологического контекста³⁷, В.С. Автономов попал, если и не в новый порочный круг, то в достаточно жесткие рамки презентистского подхода. Ценой выхода за которые стало сведение «анализа» (науки) к инструментарию для ее построения³⁸. Как пишет один из критиков подобного подхода, «конечно, улучшение техники экономического анализа и использование более совершенных моделей раскрывает важную линию в определении прогресса экономической науки, особенно применительно к реализации ее познавательной функции. Вместе с тем она не единственная. Если же выделять ее как сугубо автономную, то это равнозначно превращению самой науки в некую разновидность “игры в бисер”». Поэтому новации в области метода не должны отрываться от содержательной стороны разрабатываемых с его помощью теоретических конструкций и практических рекомендаций. Тем более что в реальной исследовательской практике (в своих текстах) экономисты не занимаются только разработкой моделей, но одновременно дискутируют и обсуждают позиции разных школ, анализируют хозяйственную практику и выдвигают рекомендации и т.п.»³⁹.

Весьма красноречив с этой точки зрения диссонанс, звучащий со страниц современной монографии, посвященной истории русской экономической мысли. Диссонанс между вновь озвученной во вступительной статье В.С. Автономова идеи актуальности применительно к России деления на экономический анализ (предмет для которого не сформировался) и экономическую мысль⁴⁰ и основным текстом книги немецкого исследователя Й. Цвайнерта. Последний в своем теоретико-методологическом

введении настаивает как раз на целесообразности прямо противоположного подхода к изучению истории, хотя и отдает отчет в том, что «вследствие постоянного взаимного влияния академических и внеакадемических экономических направлений в России размывается граница между социальной философией и “чисто” экономической мыслью». Тем не менее, исследователь считает необходимым в интересах анализа рассмотреть обоих не всегда четко различаемых направлений, «поскольку существовавшие между ними взаимные влияния имели значение при определении направления, в котором развивалась российская экономическая мысль в различные периоды истории». И обусловлена такая, на первый взгляд, чисто прагматичная позиция его неприятием «ретроспективного метода анализа истории экономической мысли»⁴¹.

На исходе минувшего столетия абсолютистские позиции в историографии покинул, пожалуй, самый стойкий на протяжении более чем тридцати лет их защитник, благодаря учебнику которого, переведенному на различные языки, не только оценивались, но и пересматривались историографические традиции, в том числе и в нашей стране. В грехе «абсолютизации абсолютизма» покаялся М. Блауг, одновременно реабилитировавший Й. Шумпетера⁴², история экономического анализа которого на деле оказалась «интеллектуальной историей» или «*Geistesgeschichte*». И отрекся от доминировавшей на протяжении десятилетий в истории экономической мысли абсолютистской интерпретации М. Блауг, прежде всего, из-за скрывающегося за ней презентизма, стремления «наряжать прошлые идеи в современные одежды, часто в форме математических моделей». В результате чего история экономической мысли в современных ее образцах нередко превращалась в рассказ о технических достижениях в моделировании, в своеобразную «технократическую» версию «презентизма»⁴³.

Абсолютистский подход к изучению истории экономической науки Блауг предпочитает именовать отныне ее «рациональной реконструкцией», подчеркивая, что последняя «более известна под уничижительным ярлыком либеральной интерпретации истории»⁴⁴. И в этом шаге, думается, нет ничего удивительного: у читателя методологического введения к учебнику М. Блауга ни-

когда не возникало сомнений в природе его абсолютизма. Крайне трудно интерпретировать конфликт между стремлением «видеть только их [экономистов прошлого] ошибки и недостатки без учета таких объективных ограничений, как состояние анализа, с которого им пришлось начинать, и исторические условия, в которых им довелось работать» и «возвеличивать их достоинства в стремлении открыть идеи, опередившие их время, а часто и их собственные намерения», как конфликт между установками релятивизма и абсолютизма⁴⁵. Даже с учетом исторических условий, в которых приходилось работать экономистам прошлого, только презентист, может расценивать их исключительно как неверные и ошибочные. Только сторонник историографии «читающей назад» списывает все зигзаги, что выделяет на своем пути к истине экономическая наука, на исторический контекст.

Историографии, запятнавшей себя связью с «либеральной интерпретацией истории» и тем подорвавшей признание научных достоинств и образовательной ценности истории экономической мысли, отныне противостоит не релятивизм, а «историческая реконструкция». Каковая предполагает объяснение старых теоретиков в терминах, которыми те пользовались сами, а их ученики и последователи приняли бы, как верное описание того, что учителя намеревались сказать. И хотя историческая реконструкция, строго говоря, невозможна, только она, как бы трудна ни была, по мнению Блауга, является единственным законным подходом к изучению истории экономической мысли, учитывающим уникальную природу изучаемого материала, вместо того, чтобы превратить его в сырье для нужд современных аналитических методов⁴⁶.

Пятое издание учебника М. Блауга помимо ставшего уже традиционным указания на существование двух диаметрально противоположных точек зрения на историю экономической мысли — абсолютизма и релятивизма, содержит отсылку и к оппозиции рациональная vs историческая реконструкция. Последняя явилась плодом долгих размышлений автора над выбором между абсолютизмом и релятивизмом и самими терминами, в которых его выбор излагался все эти годы. Преимущество вводимых в оборот историко-экономической науки понятий состоит, на его взгляд, в том, что они «обостряют контраст» между ними. И ра-

циональная и историческая реконструкция, являющиеся законными способами писать историю экономической мысли сами по себе, должны держаться обособленно друг от друга. (Что, по его словам, не всегда последовательно он все же постарался реализовать в новом издании учебника, изменив трактовку многих спорных вопросов в истории экономических идей.) Имеющие тенденцию накладываться друг на друга в практике историописания, они, в этом случае, являются угрозой «методологической ясности» исследования⁴⁷.

По существу, вводимая Блаугом в оборот оппозиция является не только смягченной дилеммой презентизм — историзм, приверженцем второй стороны которой позиционирует себя ученый, но и свидетельством происходящей поляризации историографических позиций исследователей истории экономического знания, которым надлежит сделать свой методологический выбор.

Примечания

¹ Жамин В.А., Субботина Т.П. Предмет и метод курса истории экономических учений // История экономических учений: учеб. пособие. Ч. 1. М., 1989. С. 6.

² Кузьминов Я.И. Возвращение к «Истокам». О теоретическом запасе сообщества российских экономистов // Истоки. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. М., 1998. С. 19–20.

³ Автономов В.С. Предисловие к русскому изданию // Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ., 4-е изд. М., 1994. С. IXX–XXII.

⁴ Используя ранее использованную метафору, можно сказать, что учебник Т. Негиши находится уже в специализированном отделе «больших размеров». Заказчиками в последнем выступают специалисты в области экономической теории, рассчитывающие получить от историков экономической мысли изложение идей, выработанных экономической наукой прошлого, «современным формализованным языком, что дает возможность ввести их в контекст современной экономической теории» (Автономов В. Предисловие к русскому изданию // Негиши Т. История экономической теории: учебник / пер. с англ. М., 1995. С. 6).

⁵ Автономов В.С. Предисловие к русскому изданию // Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. XXI.

⁶ Я.И. Кузьминов полагал, что работа Шумпетера способна сыграть в развитии отечественного академического сообщества такую же роль, что и опубликованный в 1960-е годы учебник П. Самуэльсона (Кузьминов Я.И. Возвращение к «Истокам». О теоретическом запасе сообщества российских экономистов. С. 20).

⁷ Автономов В.С. История от Шумпетера (Предисловие к русскому изданию) // Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1. С. X.

⁸ Майдачевский Д.Я. Экономическая историография: история формирования и уроки развития предметной области // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10, № 3. С. 5–40.

⁹ Винарчик П. Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 16.

¹⁰ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. XXVI. Думается, именно эта сторона книги Блауга вызвала неприятие у части отечественных историков экономической мысли, утверждавших, что «экономическая теория России — не анонимна, это история планов реформ, программ перестроек, это деятельная логика, история в лицах...» (Соколов Б.И. История мировой экономической науки: нужны ли новые подходы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. Сер. 5. Экономика. Вып. 2 (№ 12). С. 53).

¹¹ Perlman M. Perceptions of Our Discipline: Three Magisterial Interpretations of the History of Economic Thought // History of Economics Society Bulletin. 1986. Issue 2. P. 18.

¹² Нужно ли оглядываться назад? К осмыслению исторических, институциональных и интеллектуальных предпосылок экономической науки // Истоки. Вып. 3. С. 466–468.

¹³ Гурова И.П. Сравнительный анализ методологии истории экономических учений: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000. 43 с.

¹⁴ Ее же. История метода историко-экономической науки. Ульяновск, 1999. 95 с.; ее же. Особенности методологии истории экономических учений // Экономический журнал. 2001. № 3. С. 130–140; ее же. Методологический поиск в историко-экономической литературе XIX–первой половины XX веков // Историко-экономический альманах / сост. и предисл. Д.Н. Платонова. М., 2004. Вып. 1. С. 34–49.

¹⁵ Ее же. Философские концепции науки // Историко-экономический альманах / ред.-сост. Д.Н. Платонов. М., 2007. Вып. 2. С. 7–27.

¹⁶ Ее же. Методологический выбор в современной историко-экономической науке // Там же. С. 28–51.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. 287.

¹⁹ Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 50–51; Ольсевич Ю. К релятивистской экономической теории // Вопросы экономики. 1995. № 6. С. 4–14.

²⁰ Гурова И.П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке. С. 43–44.

²¹ Там же. С. 49.

²² Ее же. Сравнительный анализ методологии истории экономических учений... 34.

²³ Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. / пер с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1. С. 16.

²⁴ Там же. С. 16 (прим.).

²⁵ Полетаев А.В. Классика в общественных науках // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 21. Ср.: «В наиболее систематическом виде он (абсолютистский подход. — Д. М.) нашел свое выражение в “Истории экономического анализа” (1954) Й. Шумпетера, в которой логический подход фактически противопоставлен историческому» (Гурова И.П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке... С. 48).

²⁶ Шумпетер Й. История экономического анализа. С. 47–48.

²⁷ Название восходит к историкам-вигам XIX в., интерпретировавшим систему управления в средневековой Англии в свете «современности»: английская политическая история рассматривалась исключительно как прогрессивное совершенствование либеральной парламентской демократии (Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000. С. 166). Уничжительная характеристика «либеральная интерпретация истории», выйдя за пределы общей историографии, получила распространение и в историографии науки, где стала ассоциироваться с практикой описания процесса формирования или развития экономической теории вплоть до современного ее состояния или демонстрации связи современных идей с наследием «старых мастеров». Как результат, развитие экономической мысли приняло форму линейной прогрессии к существующим истинам.

²⁸ Samuelson P. A. Out of the Closet: A Program for the Whig History of Economic Science // Bulletin of the History of Economics Society. Fall 1987. Vol. 9. No. 1. P. 56. Режим доступа — <http://208.106.171.85/bulletin/vol9/No1/samuelson.pdf>

²⁹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. 1.

³⁰ Там же. С. 6; Гурова И.П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке. С. 37.

³¹ На «абсолютистский» (равно — идеалистический) характер методологии советской истории экономических учений еще в 1989 г. обратили внимание В.А. Жамин и Я.И. Кузьминов, подчеркнув, что «притягатель-

ной чертой подобного метода исторической критики является исключительная простота в обращении: вместо того, чтобы исследовать уникальные исторические условия создания того или иного произведения, достаточно “приложить” его к Марксу. Квалификационные требования к специалисту-историку стали с тех пор очень скромными» (Жамин В.А., Кузьминов Я.И. Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / редкол.: В.А. Жамин (глав. ред.) [и др.]. М., 1989. С. 9–10).

³² Гурова И.П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке. С. 35.

³³ Квасов А.С. Введение в предмет истории экономических учений // История экономических учений: учебник / под ред. А.С. Квасова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 3–4.

³⁴ Ср.: Худокормов А.Г. Введение // История экономических учений: (современный этап): учеб. / под общ ред. А.Г. Худокормова. М., 1998. С. 4; его же. Существуют ли законы истории экономической мысли? // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2005. № 1. С. 93.

³⁵ Богомазов Г.Г. Философия истории как методологическая база историко-экономических исследований // Проблемы современной экономики. 2009. № 4 (32). — Режим доступа: www.m-economy.ru/art.php3?artid=26468

³⁶ Автономов В. История экономической мысли и экономического анализа: место России // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 42–44 (см. также: Автономов В.С. История экономической мысли и экономического анализа: место России // Очерки истории российской экономической мысли / под ред. Л.И. Абалкина. М., 2003. С. 116–122).

³⁷ Абалкин Л. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 4–18 (см. также: Абалкин Л.И. В поисках самоопределения российской школы экономической мысли // Очерки истории российской экономической мысли / под ред. Л.И. Абалкина. М., 2003. С. 8–32).

³⁸ За несколько лет до появления статьи В.С. Автономова фактически об этом предупреждал Ю. Ольсевич, когда писал: «Чтобы вырваться из порочного круга предвзятых оценок, историки экономической мысли пытаются отделить развитие науки от эволюции и смены доктрин, но при этом попадают в новый порочный круг: сами критерии такого разделения не избежали характера доктринальности. Однако, даже если бы удалось выделить чисто научные элементы экономической мысли, не несущие на себе клейма социально-политической и идеологической доктринальности, то это оказался бы лишь инструментарий для построения теории, но не сама теория» (Ольсевич Ю. К релятивистской экономической теории. С. 7).

³⁹ Рязанов В.Т. Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2010. Вып. 3. С. 76. Отметим еще один аргумент автора, обращающего внимание на синонимичность понятий «экономическая наука» и «экономическая мысль», используемых как отечественными, так и зарубежными историографами.

⁴⁰ Автономов В.С. Русская экономическая мысль — заинтересованный взгляд со стороны // Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905 / пер. с нем.; под. науч. ред. В.С. Автономова. М., 2007. С. 12.

⁴¹ Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. С. 24.

⁴² В отечественной историко-научной литературе такой реабилитации Шумпетер обязан А.В. Полетаеву, как мы уже отмечали, справедливо назвавшему его *magnus opus* «главным образцом историцистской истории экономической мысли», лишь по иронии озаглавленным «История экономического анализа» (Полетаев А.В. Классика в общественных науках. С. 21).

⁴³ Blaug M. On the Historiography of Economics // Journal of the History of Economics. 1990. Vol. 12. Pp. 27–37; Blaug M. Not only an Economist. Recent Essays. Cheltenham: Edward Elgar, 1997 (Ch. 5. On the Historiography of Economics); Blaug M. No History of Ideas, Please, We Are Economists // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15. Issue 1. Pp. 145–164. Отечественному читателю об изменении историографических установок М. Блауга стало известно благодаря реферату одной из его статей, опубликованной на страницах французского журнала: Блауг М. Мы прежде всего экономисты! // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2. Экономика. Реф. журн. М., 2003. С. 7–13.

⁴⁴ Blaug M. No History of Ideas, Please, We Are Economists. P. 151.

⁴⁵ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. 1.

⁴⁶ Blaug M. No History of Ideas, Please, We Are Economists. P. 152.

⁴⁷ Blaug M. Economic Theory in Retrospect. 5-th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. XVII, 8.